

браніи необходимыхъ свѣдѣній, въ епархіи: минскую 4,032 р., варшавскую 2,175 р. и литовскую 8,360 р.

(Продолженіе будетъ).

НЕКРОЛОГЪ.

23 Января, въ часъ по полуночи, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, наслѣдованной отъ многочисленныхъ, разнообразныхъ и усердныхъ трудовъ на службѣ, скончался протоіерей Нерукотворенно-Спасской церкви и профессоръ Семинаріи, Алексѣй Тимофеевичъ Петровский. Это былъ одинъ изъ заслуженныхъ протоіереевъ города Саратова и старѣйшихъ профессоровъ Семинаріи. Ранняя смерть его, на 49 году жизни, лишила Саратовское духовенство одного изъ немногихъ академическихъ священниковъ, семинарію—опытнаго и полезнаго наставника, а семейство повергла въ безвыходное тяжелое горе: послѣ покойника осталось девять человѣкъ дѣтей, изъ коихъ ни одинъ еще не пристроенъ къ мѣсту.

Покойный о. протоіерей былъ сынъ причетника села Пакиничи, Рославльскаго уѣзда Смоленской губерніи. По окончаніи курса въ Смоленской семинаріи, онъ въ 1839 г. посланъ былъ въ Кіевскую духовную академію. По окончаніи курса въ академіи, со степенью магистра, онъ, 1843 года октября 21 дня, опредѣленъ былъ въ Саратовскую семинарію профессоромъ по чтенію Священнаго писанія и соединенныхъ съ нимъ предметовъ, въ высшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ. Въ непродолжительномъ времени послѣ поступленія своего на духовно-училищную службу, именно 1844 г. сентября 22 дня, покойникъ, по приглашенію Преосвященнаго

Лакова, поступилъ во священника Саратовской Нерукотворенно-Спасской церкви, при которой онъ и служилъ почти все время, до конца своей жизни; только одинъ годъ и нѣсколько мѣсяцовъ онъ находился при Введенской церкви, откуда, по открытому и единодушному прошенію прихожанъ, снова возвращенъ былъ въ прежній приходъ. Въ 1848 г. октября 29 дня, покойникъ, согласно собственному прошенію, перемѣненъ былъ изъ профессоровъ семинаріи на должность ректора Саратовскаго духовнаго училища. Ровно черезъ годъ, именно 1849 г. октября 18 дня, онъ опредѣленъ былъ членомъ Саратовской духовной консисторіи. Большое семейство, состоящее изъ жены и девятирехъ дѣтей, вмѣстѣ съ возрастающимъ возвышеніемъ цѣнъ въ городѣ на всѣ жизненные припасы, заставили покойника, незадолго до смерти, именно въ 1864 г., оставить болѣе покойную должность ректора Саратовскаго духовнаго училища, и снова, черезъ 16 лѣтъ, занять менѣе покойную должность профессора семинаріи, сначала—по Логикѣ и Психологіи, а потомъ—по Нравственному, Пастырскому и Обличительному богословіямъ, такъ какъ окладъ жалованья профессорскаго, незначительный самъ по себѣ (257 р. 40 к.), все-таки превышаетъ окладъ училищнаго ректора (150 р. 15 к.). Въ 1865 году, съ открытіемъ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей, онъ назначенъ былъ цензоромъ вѣдомостей. Слабое здоровье покойника, надломленное длиннымъ курсомъ собственнаго образованія и постоянно разстроивавшееся трудами по приходу, по заведенію и по консисторіи, побудило его, за нѣсколько недѣль до смерти, подать прошеніе объ увольненіи его изъ членовъ консисторіи, какъ службы непроизводительной

для матеріальнаго забезпеченія семейства. Едва двигая ноги и переводя духъ, покойникъ черезъ силу ходилъ на послѣдніе декабрьскіе экзамены, которые ежедневно посѣщаль Преосвященный; со всѣмъ уже изнемогающій, движимый единственно и собственною ревностью къ службѣ, онъ явился на собраніе наставниковъ, для составленія ученическихъ списковъ. Послѣ этого, онъ уже не выходилъ изъ своего дома; бывши еще на ногахъ, онъ попросилъ совершить надъ нимъ таинство Елеосвященія; потомъ слегъ въ постель, не принималъ пищи, и никакія медицинскія пособія не могли возстановить постепенно упадавшихъ силъ покойника. Къ разрушенію его здоровья, и безъ того слабого, много содѣйствовала осенняя холера прошлаго года, сильныя припадки которой испыталъ покойникъ. — Всего службы покойника въ должности профессора семинаріи было 7 лѣтъ, въ должности ректора училища — 16 лѣтъ, въ должности члена консисторіи — 17 лѣтъ, въ санѣ священника и протоіерея — 22 года. Стало бытъ, если взять года по каждой службѣ отдѣльно, а не совмѣстно, покойникъ служилъ 62 года, проживъ всего только 49 лѣтъ, изъ которыхъ лѣтъ 10 проведено въ домашнемъ кругу, лѣтъ пятнадцать употреблено на собственное образованіе. Изъ этого слѣдуетъ, что собственно говоря, покойникъ жилъ не мало, послуживъ много для пользы другихъ. Усердная и полезная служба покойника, особенно по училищному вѣдомству, всегда была въ особенномъ вниманіи начальства и достойно цѣнилась: нѣсколько разъ онъ получалъ благодарность за училище отъ мѣстнаго Епархіальнаго Начальства; въ 1845 г. награжденъ набедренникомъ; въ 1849 г. награжденъ скуфьею; въ 1850 г. возведенъ въ санъ

протоіерей; въ 1853 г. за заслуженную и полезную духовно-училищную службу, объявлено ему благословеніе Св. Синода; въ 1854 г. награжденъ камилавкою; въ 1858 г. награжденъ синодальнымъ Имперскимъ крестомъ; въ 1862 г. причисленъ къ ордену Св. Анны 3 ст. Въ послѣднее представленіе къ наградамъ, онъ представленъ былъ къ ордену Св. Анны 2 ст.; но, награды земныя для покойника уже кончились!..

Послѣ покойника, какъ мы упомянули прежде, осталось большое семейство: жена и девять человѣкъ дѣтей — 6 сыновей и 3 дочери. Изъ сыновей одинъ обучается въ Петербургской духовной академіи, другой — въ среднемъ отдѣленіи семинаріи, третій — въ низшемъ отдѣленіи семинаріи, четвертый — въ высшемъ отдѣленіи училища, — всѣ, къ утѣшенію матери, превосходно учатся, идутъ по первому разряду; старшей дочери всего 14 лѣтъ; остальные — еще малолѣтніе. Покойникъ, проходя службу на крайне ограниченныхъ казенныхъ окладахъ, даже безъ оклада, какъ напр. въ консисторіи, и занимая не лучший приходъ (въ городѣ, не могъ обезпечить въ матеріальномъ отношеніи своего многочисленнаго семейства, особенно при томъ радушіи и гостепріимствѣ, съ которыми онъ принималъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ и знакомыхъ. Но Богъ и добрые люди не оставляютъ и не оставлятъ это доброе осиротѣвшее семейство. Начальство ходатайствуетъ вдовѣ о полной пенсіи по семинарской службѣ покойнаго ея мужа; сыновья ея, обучающіеся въ заведеніяхъ, приняты на казенное содержаніе. это глггг олаколан

Живо помнится намъ то время, когда покойный протоіерей Петровскій поступилъ на службу въ семинарію. И всегда интересно поступленіе молодыхъ на-

ставниковъ въ среднее учебное заведеніе: потому что отъ нихъ вѣтъ свѣжимъ духомъ высшаго учебнаго заведенія, потому что они всею силою души симпатизируютъ учащейся, особенно даровитой молодежи, потому что молодыя силы, окриленные самыми благородными и просвѣщенными стремленіями, со всею силою энергіи, со всею богатствомъ, роскошью, даже расточительностію знанія, спѣшатъ сообщить послѣдніе, достигнутые ими, результаты науки, высказать свои идеалы жизни и знанія. Ученики всѣхъ классовъ жадно прислушиваются, напряженно слѣдятъ за всѣми движеніями, словами и мнѣніями молодыхъ наставниковъ, считая ихъ за представителей и глашатаевъ послѣдняго слова науки. Такъ бываетъ почти всегда и вездѣ съ молодыми наставниками.— Но въ то время, когда поступалъ на службу въ Саратовскую Семинарію А. Т. Петровскій, въ ней все шло какимъ-то рутиннымъ, схоластическимъ ходомъ, въ существѣ дѣла хорошимъ, но уже слишкомъ обыденнымъ: ученики едва не напередъ знали, что и отъ кого они услышатъ на лекціяхъ завтра. Вдругъ являются въ заведеніе два молодыхъ наставника: одинъ изъ Кіевской академіи на священное писаніе, это — покойникъ А. Т. Петровскій, другой — изъ Петербургской академіи, на догматическое богословіе въ параллельномъ классѣ, это И. Г. Т., воспитанникъ родной семинаріи, впоследствии ближайшій родственникъ покойника. Оба даровитые, оба магистры, оба съ живымъ даромъ слова, съ неутомимымъ стремленіемъ къ преподаванію, съ добрымъ, симпатическимъ отношеніемъ къ ученикамъ, — они произвели чистый фуроръ и оживленіе въ заведеніи, дотолѣ спокойно и самодовольно

наслаждавшемся разсчитаннымъ, размѣреннымъ шагомъ определенныхъ уроковъ, экзаменовъ, переводовъ и выпусковъ. Начальство отнеслось къ нимъ, за ихъ даровитость и усердіе къ службѣ, совсѣмъ вниманіемъ и благорасположеніемъ; сослуживцы полюбили ихъ, какъ младшихъ ревностно дѣятельныхъ братьевъ; ученики полюбили ихъ, какъ умныхъ, образованныхъ и любящихъ старшихъ братьевъ и руководителей. Они благоразумно соединяли въ своемъ преподаваніи и методъ академическій и методъ семинарскій: поговоривши нѣсколько минутъ въ классѣ въ формѣ лекціи, они каждый день требовали отъ учениковъ отчета въ урокахъ, постоянно объясняли все непонятное для учениковъ, предоставивъ право каждому ученику спрашивать о томъ, чего онъ не понимаетъ. Кромѣ того, они позволяли ученикамъ ходить къ себѣ на домъ за совѣтами, за указаніями учебныхъ пособій и источниковъ для сочиненій; приглашали лучшихъ учениковъ даже на стаканъ чая. Записки, которыя они сдавали, переписывались самымъ тщательнымъ образомъ, какъ бѣловыя сочиненія, и уходили съ учениками, какъ драгоценное сокровище, на должность. Словомъ, ученики не знали цѣны этимъ незабвеннымъ и безцѣннымъ наставникамъ: это были для нихъ авторитеты мысли, благоредства и правды. Часто ученики, невинно оклеветанные предъ начальствомъ, обращались въ крайнихъ случаяхъ къ ихъ посредничеству, и никогда они не отказывались оказать свое всевозможное содѣйствіе. Съ тѣмъ же характеромъ ума, образованія и честности, покойный пестушкѣ и на службу въ консисторію; ученики его, дѣлавшіеся служителями алтаря, шли къ нему какъ родные за совѣтомъ и помощію, по дѣламъ, которыя

вѣдаетъ консисторія. Много вышло изъ подъ руководства покойника учениковъ, которые обязаны ему и развитіемъ и карьерою, и которые всегда признательно будутъ вспоминать его.

Вѣсть о кончинѣ заслуженнаго отца протоіерея и профессора Семинаріи, не смотря на то, что она уже была ожидаема, поразила и духовенство, и Семинарію, и городъ. Народъ, ученики съ самаго ранняго утра до темной ночи, наполняли комнаты покойника и молились объ упокоеніи души почившаго; духовенство то и дѣло служило панихиды. Въ день похоронъ, явилась въ церковь вся Семинарія, въ составѣ всѣхъ наставниковъ и учениковъ. На погребеніе пріѣхалъ Преосвященный и совершилъ оное едва ли не со всѣмъ городскимъ духовенствомъ. Гробъ несли изъ дома въ церковь и изъ церкви до кладбища протоіерея, священники и наставники Семинаріи, при пѣніи ирмосовъ двумя хорами пѣвчихъ, архіерейскимъ и семинарскимъ, и учениками всѣхъ классовъ Семинаріи. Народъ во множествѣ сопровождалъ покойника до могилы. За литургіей сказали надгробное слово бывший ученикъ покойника, протоіерей Вознесенско-сѣнновской церкви, Ив. В. Любомудровъ. Въ словѣ своемъ, изложивъ причины, по которымъ Промыслъ Божій допускаетъ иногда преждевременную смерть людей, проповѣдникъ трогательно обратился къ окружающему гробъ осиротѣлому семейству и вызвалъ слезы участія у всѣхъ слушателей. Когда отпѣто было священническое погребеніе, надъ гробною рѣчью сказалъ тоже бывший ученикъ, олимпикоіерея, въ послѣднее время его сослуживецъ, учитель Семинаріи, А. Я. Леопольдовъ. Помѣщаемъ здѣсь эту рѣчь, сказанную безъ приготовленія.

Еще нѣсколько минутъ, и дѣти не увидятъ болѣе отца своего, ученики—своего учителя, пасомые—своего пастыря!

Свободно и легко говорится, когда собираетъ насъ вокругъ себя жизнь въ ея свѣтлыя и торжественныя минуты; но, когда собираетъ насъ около себя смерть, — смерть близкаго къ намъ по крови и духу, по чувствамъ любви и дружбы, по отношеніямъ жизни и службы, человека, — тогда слово, самое гибкое и покорное, замираетъ на устахъ нашихъ, на время останавливается какъ бы все движеніе души и жизни. Это — отъ того, что очень близко чувствуется присутствіе смерти, что слишкомъ явно слышится ея тлетворное на насъ дыханіе; что смерть напоминаетъ намъ о себѣ и о загробной жизни не книгою, которую можно положить и не читать, не докучнымъ старческимъ разговоромъ, котораго можно не слушать, не отдаленнымъ звономъ колокола, который на мгновеніе судорожно потрясетъ наши нервы, — а всѣмъ ужасомъ нагляднаго опыта, всею силою предлежащей, очевидной, осязаемой сбытности. Предъ живымъ образомъ смерти смолкаетъ все въ живомъ сынѣ персти, — только слышны глухіе удары въ сердцѣ, разрѣшающіеся по временамъ глубокими вздохами груди, — только видны крупныя, всею тяжестью горя выведенныя слезы, и незримо, вмѣстѣ съ кадильнымъ шепотомъ, несетъ тайная христіанская молитва къ Богу, духовъ и всякія плоти, о помилованіи души усопшаго, о милости къ тѣмъ, кого оставилъ покойникъ, о дарованіи жизни, покаянія и спасенія намъ, такъ близко пораженнымъ смертью близкаго къ намъ человека.

Когда мы взираемъ на сей гробъ, уносящій, какъ на утлой

ладѣ, изъ моря житейскаго на онъ — полъ бытія, — мужа, отца, пастыря и учителя будущихъ пастырей, намъ невольно приходитъ на умъ мудрое изрѣченіе премудраго: *приложивый разумъ приложитъ болѣзнь* (Ек. 1. 18). Да, кто знаетъ путь ученія, обученія и науки, тотъ знаетъ, какъ справедливо это изрѣченіе, — какъ труденъ, тяжелъ и болѣзненъ этотъ путь среди путей человѣческихъ. Приложивый разумъ, особенно изъ среды нашего бѣднаго сословія, действительно *приложитъ болѣзнь*: сколько матеріальныхъ нуждъ, сколько гнетущихъ заботъ испытаетъ человѣкъ и въ приобрѣтеніи средствъ къ жизни, и въ приобрѣтеніи средствъ къ образованію! Сколько душевныхъ страданій, сердечной боли и сжимающихъ все существо страховъ испытаетъ человѣкъ въ теченіе учебнаго курса, во время приобрѣтенія познаній! Но вотъ, онъ кончилъ курсъ и училища, и семинаріи и академіи; жажда знанія, по видимому, удовлетворена: но нѣтъ, — чѣмъ больше пьешь изъ источниковъ (знанія, тѣмъ) сильнѣе жажда; чѣмъ больше знаешь, тѣмъ больше узнаешь, что еще большаго незнаешь: опять болѣзнь о самообразованіи, о дальнѣйшемъ развитіи самаго себя! — По окончаніи ученія, на васъ падаетъ бремя учительства: опять *приложивый разумъ приложитъ болѣзнь*! Сколько надобно истощить силъ, душевныхъ и тѣлесныхъ, на борьбу съ недостаткомъ вниманія, усердія и успѣховъ въ себѣ и въ ученикахъ! — Судьбами Бога и судьбами жизни, вы соединяете долгъ учителя съ служеніемъ олтарю Господню: опять *приложивый разумъ приложитъ болѣзнь*! Сколько нужно времени, ревности и дѣятельности, чтобы неопустительно и съ пользою исполнить эти двѣ святыя обя-

занности! — Лѣта образованія, поглощая лѣта жизни, ставятъ образованнаго человѣка въ положеніе позднѣе другихъ вступать въ супружескія связи; и отъ этаго глава семейства нерѣдко лишается утѣшенія видѣть при жизни дѣтей своихъ пристроенными; жена и дѣти осуждены бывають долго и со слезами пополамъ пить горькую чашу вдовства и сиротства, въ большей части случаевъ мало или вовсе необезпеченнаго: опять *приложивый разумъ приложитъ болѣзнь!* Образованному человѣку, и въ сферѣ школы и въ области жизни, по существу самаго образованія службы и жизни, часто доводится вести упорную борьбу съ невѣжествомъ, злонамѣренностію и завистью, и ненавистью ии всѣми другими исчадіями грубаго ума, злаго сердца и житейскаго изворотливаго лукавства: опять *приложивый разумъ приложитъ болѣзнь!* *и тѣмъ дойдя вмѣстѣ со всѣми*

Мудрено ли, послѣ всего этого, что, по видимому, преждевременно *изчезъ въ болѣзнь животъ покойника!* (Псал. XXX. в. 11). Душевные разрушительныя дѣйствуютъ на тѣло и быстро сокращаютъ жизнь человѣческую. Миръ праху его и въ нѣдрахъ матери — сырой земли, и покой вѣчный душѣ его въ обителяхъ Отца Небеснаго! И школа и церковь никогда не забудутъ его въ своихъ воспоминаніяхъ и въ молитвахъ *не отидетъ отъ насъ память его и имя его и доживетъ въ родѣхъ и родѣхъ* (Сир. XXXIX. в. 12). Но, съ окончаніемъ смертныхъ болѣзней покойника, начались живыя и живучія болѣзни его семейства. Жена — вдова и девять дѣтей не оперенныхъ, не сдѣлавшихъ еще и одного шага въ жизни, — о, не только изобразить, даже вообразить трудно будущность этого положенія! — Боже Милосердый! судьбамъ правды Твоей угодно

было положить конецъ жизни покойника, — въ безднахъ любви твоей избытки средства къ безбѣдному и благодушному существованію оставленнаго имъ семейства! Взвѣсивши отца семейства въ страну, гдѣ нѣтъ болѣзней, даруй оставленнымъ членамъ его, чтобы они какъ можно меньше испытали въ жизни печалей и воздыханій! Коснись перстомъ благодати твоей сердцамъ людей, Тебя и людей любящихъ, да согрѣются, да воспламятся они участіемъ, состраданіемъ и любовью къ дѣтямъ, на Тебя, Отець Небесный, отцомъ земнымъ оставленнымъ!

Заявленіе изъ уѣзда,

1867 года, февраля 14 дня, священники 1-го благочинническаго округа, Петровскаго уѣзда, бывъ на сѣздѣ въ домѣ отца благочиннаго, нашли заведеніе общей благочиннической библіотеки дѣломъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, неудобнымъ, а потому согласились:

1. для каждой церкви непременно выписывать извѣстный изъ предлагаемаго при семъ реестра духовный журналъ;
2. чтобы всѣ священники мѣнялись этими журналами между собою и снабжали свой причтъ, если онъ того пожелаетъ;
3. если кто не выпишетъ журнала, то сумму ту, на какую кто обязался выписать журналъ, онъ благочинный имѣетъ право взыскать и, по своему усмотрѣнію, выписать для той церкви извѣстный журналъ;
4. если кто затеряетъ извѣстную книгу или № журнала, то долженъ на свой счетъ выписать потерянное. На настоящій 1867 годъ положено выписать для церквей слѣдующіе журналы: Странникъ, Современный Листокъ, Православное Обозрѣніе, Православный Собесѣдникъ, Труды Кіевской духовной